

Рубрику ведут
Татьяна Глуховская и
Сергей Хоршев-Ольховский

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА «АРИА»

Международный Союз литераторов и журналистов

БОРИС ФИНКЕЛЬШТЕЙН.
Автор книг «Парад-Алле», «Между точками А и Б», «Судьба-индейка». За первые две книги, вышедшие в 2011 году, удостоен Международной литературной премии имени Владимира Даля. В рассказах Бориса Финкельштейна – истории из собственной жизни. Но это не просто и не только воспоминания о себе. Здесь главное – другое: удивительная зоркость в описании деталей, которые привносят реальный дух времени, множество достоверных характеров и судеб.

ВЕЛИКАЯ СИЛА ПЕЧАТНОГО СЛОВА

В возрасте семи лет я выехал с родителями летом на Кавказ – в Хосту. В Астрахани в это время было просто невозможно из-за жары, поэтому родители использовали свой двухмесячный преподавательский отпуск. Мы путешествовали. Крым, Кавказ – всё это я ещё тогда объездил. Мы прилетели самолётом в Адлер, затем автобусом в Хосту, сняли квартиру и на пляж. У каждого подстилка под мышкой, войлочная шляпа на голове и купальные принадлежности в руках – советские курортники. Помните: «Граждане СССР имеют право на отдых». Да, право-то имели, но реализовать его могли в те времена не все. Поэтому народу на пляже было немного – человек пятьдесят.

И всё элита разных уровней: профессура, директора предприятий, известные артисты, знатные рабочие.

На следующий день я направился исполнять второй номер моей обязательной программы: записался в курортную библиотеку. Отныне и до конца отдыха я лежал на пляже, не выпуская из рук очередной книжки. Читал я к этому времени уже три года. Читал очень много. Тогда это был единственный способ получения новой информации. Телевидения ещё не было. Кино было строго регламентировано. Выпускалось несколько фильмов в год. Все они становились бестселлерами, но сколько же раз можно смотреть одни и те же фильмы?.. Поэтому я

твёрдо верил в печатное слово – в письменную речь. «Что написано пером, то не вырубишь топором», – говорила нам в школе моя первая учительница, несравненная Александра Ивановна. И тут сам собой возник повод это проверить.

Появился на пляже новый фигурант, товарищ Сидоров. Он сам так всем представлялся. Он был большой, толстый, носил белую шляпу в дырочках и «сталинку» из слегка желтоватой чесучи. Читал только газеты. И любил делать другим политические замечания. Что-то типа: «Ваше заявление, товарищ, оппортунизмом пахнет». Его толстая супруга была вполне под стать мужу. Через некоторое время вокруг них образовалась зона свободного пространства, которую они рассматривали как свою суверенную территорию. И надо же, я эту невидимую границу нарушил. Дело было так:

Я взял в библиотеку исключительно интересную для меня книгу советского фантаста Беляева и, возвращаясь на своё место, по-привычке читал эту книгу на ходу и по сторонам не смотрел. В увлечённости я пересёк неприкосновенную территорию товарища Сидорова и даже наступил на краешек его подстилки. Это было уже слишком. Этого он никак стерпеть не мог. Нарушителя следовало строго наказывать.

– Пошёл прочь, гадёныш! – прошипел он злобно мне. – У

тебя что, глаза на затылке? Не видишь, куда прёшь?!

Я потерял дар речи, со мной взрослые до сих пор никогда так не разговаривали.

– Извините, – сказал я робко, но это товарища Сидорова не успокоило, и он выдал мне еще пару резких слов.

Я подошёл к своим родителям несколько потрясенным.

– Этот дядя меня гадёнышем обозвал, – сказал я им.

– А за что? – поинтересовался папа.

– Я ему на подстилку наступил.

– Гриша, не связывайся, – сказала мама. – Видишь, рядом с ними никто не садится. Пусть себе. Таких не переделаешь.

Инцидент вроде бы был исчерпан, но я продолжал его обдумывать. По моему мнению, нужно было что-то предпринять. Но что? Я же ещё был ребёнком. И тут решение само по себе возникло у меня в голове. Да, я уже знал, что делать. Я решил довериться печатному слову.

На следующее утро я встал пораньше и до завтрака прибежал на пляж. Он был почти пуст – только в воде мелькала пара голов. С вечера я заприметил, где лежал кусок мела, которым матрос-спасатель писал на грифельной доске температуру воды и воздуха. Я взял этот мел и большими печатными буквами начертил на стенке набережной вдоль всего пляжа: «Товарищ Сидоров – жирная свинья». Потом отправился

завтракать. Когда мы пришли на пляж, веселье было в самом разгаре. Надпись как раз стирали, но все успели её прочитать. Моё авторство уже признали: кто-то из ранних купальщиков заложил. И как это прижилось! Как легло всем на душу! Товарища Сидорова с этого момента иначе как жирной свиньей никто не называл. Меня, для порядка, наказали – лишили дневной порции мороженого, но это были пустяки.

На следующий день надпись появилась снова, хотя я уже был здесь ни при чём. Это был кто-то другой. На третий – опять. А на четвёртый день товарищ Сидоров съехал вместе с женой на дикий пляж, и на нашем восстановилось душевное равновесие. Я стал местным героем и подружился с некоторыми вполне взрослыми «дядями», которые живо научили меня играть в подкидного дурака. Правда, чтение все равно оставалось для меня главным.

– Профессором будешь, – одобрительно сказал мне один старея.

– Точно, – подтвердил шахтёр-ударник, быстро опрокидывая стопарик и закусывая свежим огурцом.

Надо же, как в воду глядели. Предказатели, «туды их в корень!» (всё из их лексикона – помню до сих пор).

А сила печатного слова? Действительно, права была моя учительница Александра Ивановна: «Что написано пером, то не вырубишь топором».

***

От слова рот поранен в кровь,
Следы от ногтей в ладони.
Я выгибаю бровь,
Ничего не умея кроме.

Каждый меня ругал,
Что я из больной породы.
Гордость моя – кинжал,
Подставленный под подбородок.

***

Сегодня был алмазный день –
Вот, видишь надпись – «бьётся».
Прозрачный, звонкий, как ручей,
Кристалльность из колодца.

Сквозь грани тонкие – лучи
Ломались и сквозили.
В кармане звякали ключи,
И птицы голосили.

И уходил в вершины взгляд –
Мне б быть такого роста!..
А за любовь не жди наград –
Всё в жизни – очень просто.

***

Идет по парижской улице
Торжественно вертикальный:
Голубоглазо шурится,
Курит маниакально.

Весь он – молчанье узкое,
Напряжение паузы сглаженной.
Дразнящее слух, французское
Уменьше слова одалживать.

Весь он – насмешка тонкая,
Горечь утра кофейная,
Фраза в кафе негромкая,
Ломка многонедельная.

Весь он – тоска скрипичная,
Переборы и смех гитарные,
Клавиши мелодичные,
Оглушительные ударные.

Идет по парижской улице,
Со спины он выглядит простым.
Оборачивается, шурится
И выдыхает дым.

***

Кто бездомен – тот дик и жалок,

Тот безвыходно одинок.
Как озлобленный и усталый,
Век скулящий на небо волк.

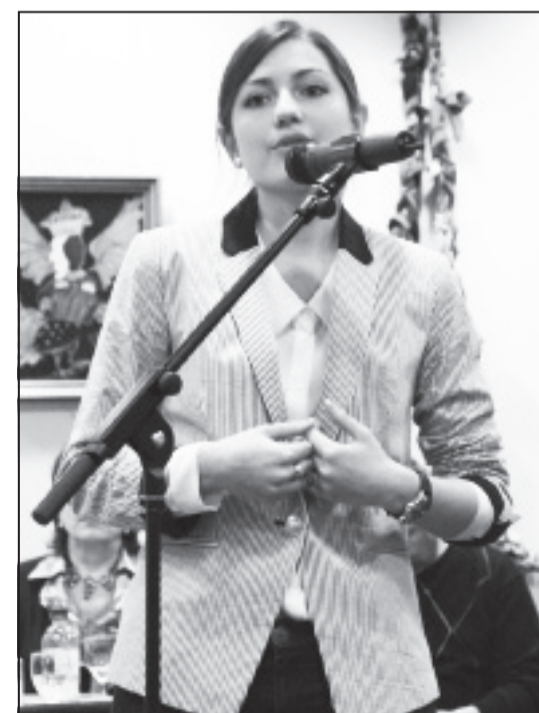
Он ничтожен и неприкаян,
Отовсюду гоним тоской.
Дик, ошибочен и случаен
И отчаян найти покой.

Я же – знаю, откуда вышел
И куда я могу вернуться.
Кабарда моя! Ты – превыше
Всего, к чему мне тянуться.

Я же знаю, откуда родом,
И душою я этим креп.
Как земля моя плодородна!..
Мне бы мазать её на хлеб!

Я же знаю её любую –
Да, и в гордости, и в стыде
Я землю своей любуюсь –
Отраженьем своим в воде.

Я же знаю, я – продолженье.
Не случайность – за мной века.
Я есть сила того движенья,
Что стремится издалека.

ЛЯНА КАЖАРОВА. Родилась и жила в Москве. В 2013 году окончила МГИМО. В настоящее время живёт и продолжает учёбу в Англии. Возглавляет фонд церковской культуры «Адыги» имени Колмакова в Москве. Стихи пишет со школьных лет.